

Апология национализма

Русский национализм обычно обсуждают как угрозу. Прежде всего, угрозу целостности нашей страны. Это серьезный упрек, и на него нужны серьезные ответы. Но прежде, чем обсуждать возможные негативные последствия того или иного явления, нужно понять его внутреннюю логику. А она раскрывается в совершенно ином контексте. Дело в том, что наряду с проблемой *территориальной целостности*, есть проблема *социальной целостности*. **Прежде чем пугать друг друга катастрофами, нужно осознать, что катастрофа уже произошла.** Наше общество распадается, и распадается так давно и неуклонно, что это уже нельзя считать временным «переходным» явлением.

Симптомы социального распада, в целом, хорошо известны. Назовем лишь некоторые из них:

— Запредельный уровень недоверия к государственным институтам и объективное несоответствие многих из них своим функциям;

— Взаимное отторжение между «элитами» и народом, напоминающее уже не вражду разных этносов, а несовместимость разных биологических видов. Так называемое «социальное расслоение», фиксируемое социологами, — лишь слабое статистическое отражение этого процесса;

— Люмпенизация населения. Атрофия элементарных навыков солидарности, того, что называют социальным инстинктом, замыкание людей в частной жизни;

— Хозяйственная и психологическая дезинтеграция страны. На фоне реальной потери связности между коренными регионами России, их вынужденной переориентации на внешние центры развития, проблема сепаратизма этнических окраин выглядит мелкой;

— Кризис массовой армии или средней школы. Эти институты Современности, которые должны быть настоящими *машинами социализации*, машинами по производству полноценных граждан, сегодня производят что-то совсем иное.

Так вот, ответом на этот вызов общественного распада и является национализм, поскольку он дает членам общества прочное основание для *взаимной солидарности*. Другой силы, которая привязала бы «элиты» к народу, которая сплотила бы друг с другом русскую Карелию и русское Приморье, которая позволила бы государству стать по-настоящему *своим* для граждан, т.е. вызывающим *«активную лояльность»*, — я просто не вижу. Это единственный шанс на воссоздание целостности нашего общества.

Национализм как понятие

Но под «национализмом», как известно, могут пониматься совершенно разные вещи. Наиболее широко пропагандируемой является концепция «гражданского национализма», противопоставляемого «этническому». Ее сторонники, как правило, признают проблему социальной дезинтеграции, с которой мы столкнулись. Но они считают, что в этой ситуации не следует делать ставку на этнические чувства, достаточно просто воссоздать эффективные современные институты. Достаточно «отремонтировать» сломанные машины социализации — школу, армию, политическую партию, наконец, сам институт гражданства — и тогда мы преодолеем катастрофу распада. Эта позиция кажется разумной. Но дело в том, что все названные институты — это именно машины, которые не создают идентичность, а *тиражируют* ее. Известный исследователь национализма Эрнст Геллнер говорил о том, что современные нации созданы «печатным станком», т.е. как раз машиной для «тиражирования». Но печатный станок создал нации лишь потому, что на нем было, что печатать. Т.е. была мобилизующая идентичность, которую можно тиражировать.

Так вот, я готов утверждать, что единственным *ресурсом* идентичности для распадающегося общества является *этничность*. Она имеет досовременную природу, она остается живой при крушении структур современности, которое с нами произошло, и является необходимым фундаментом для их восстановления. Поэтому **в нашей ситуации никакого другого национализма, кроме этнического, не существует.**

Сказав это, я должен сразу сделать несколько пояснений.

Первое. Никто не отрицает, что в *конечном счете* нация должна состояться именно как сообщество граждан. Но сегодня мы не можем определять себя через отсутствующий элемент. Пока у нас нет такого государства, о котором можно было бы сказать «государство — это мы». Нам только предстоит его создать, и материалом, из которого оно будет строиться, являются этнические узы. Иными словами, **«гражданский национализм» хорош как фиксация уже созданного национального государства, а не как программа его создания.**

Второе. Само понятие этничности часто искажают, сводя его к вопросу «состава крови». Никаких оснований для этого нет. Даже сам «род», не говоря уже о «народе», является прежде всего культурной, а не биологической реальностью. Для существования «рода» важно не то, что мы родственники, а то, что мы мыслим и действуем в категориях родства, со всеми вытекающими последствиями. Этничность же — это реальность гораздо более сложная. Она включает в себя и общность происхождения (реальную или вымышленную — не важно), и общность культуры, и исторические воспоминания, и даже *конфессиональную принадлежность*. Да,

и конфессиональная принадлежность де-факто, в массовом масштабе, передается от поколения к поколению, по факту рождения, а не по свободному выбору. Таким образом, русская этничность — это синкретическое единство русского фенотипа, русского языка, исторической мифологии, православного мировоззрения, православной эстетики, ландшафта среднерусской возвышенности и многого другого.

Сделав эти оговорки, можно перейти к главному — ответу на вопрос: что такое «национализм» в нашем контексте? На мой взгляд, это **стратегия мобилизации этничности, ее ресурсов, для построения современного общества**. Включая все те институты модерна, те механизмы социализации, о которых уже шла речь и венцом которых является собственно государственность. В этом смысле, нацией становится тот этнос, который не просто имеет «свою государственность» — в данном случае, это лишь индикатор, — а тот, который умеет воспроизводить себя и свою идентичность посредством матриц современного общества. Таких, как массовое образование, массовая армия, литература, СМИ и так далее.

Здесь мы встречаем новых оппонентов. Помимо сторонников «чистой внеэтнической гражданственности», о которых уже было сказано, так понятому национализму противостоят две достаточно заметные в нашей среде позиции. Одну из них можно назвать «**традиционалистской**», другую «**этнократической**».

Сначала о **традиционалистах**. Безусловно, все мы являемся сторонниками защиты традиционных ценностей. Но я в данном случае употребляю этот термин в более узком смысле — в смысле **отрицания институтов современности от имени идеалов «традиционного общества»**. Соответственно, сторонники этой позиции *в принципе отвергают* идею модернизации на этнической или какой-либо иной основе. Причем часто ссылаясь не только на романтизированные образы прошлого, но и на модные открытия «постмодерна». Не случайно, что новое прочтение идей демократии и гражданского общества с национальных позиций, которое происходит сейчас в национальном движении, встречает такое сопротивление со стороны некоторых наших коллег. Но дело не в самих демократии и гражданском обществе — в конце концов, это лишь концепции. Дело в том, что под именем «модерна» его противники отвергают все то, без чего полноценная нация немыслима. Это идея гражданства как внесловного, безоговорочного равенства соотечественников, это идея ответственности властей перед народом (а не только перед Богом), это престиж научной рациональности, на основе которой только и возможно техническое освоение пространства, это ценность всеобщего образования, социальных гарантий и многое другое.

Впрочем, моей целью в данном случае не является критика, а просто фиксация расхождений.

Теперь об **этнократии**. Что отвергают ее сторонники в приведенном понятии национализма? Они отвергают идею, что этничность требует перехода в какое-то новое, более высокое качество — качество нации. На практике это означает, что сторонники этнократии тоже хотят *мобилизации этничности*, но не для построения современного общества на ее основе, а для борьбы за нужные пропорции распределения собственности и власти между этническими группами. Здесь я тоже хотел бы быть правильно понятым. Никто не спорит с тем, что первоочередная задача для русских — положить конец засилью диаспор и этнических мафий. Но если в логике этнократии это и есть конечная цель, то в логике национализма — это только *расчистка площадки* для строительства развитого общества: культурно однородного, солидарного и высокопроизводительного. Создать его здесь, в России, может только один народ — русские. И в случае успешности этого процесса, можно будет говорить о состоявшейся нации.

Национализм как форма деятельности

Состоялись ли русские в качестве нации на данный момент? Я полагаю, что нет. Русские — это развитый этнос, который пока не научился устойчиво тиражировать, воспроизводить себя в матрицах современного общества — через массовое образование, СМИ, призывную армию, национальную бюрократию и так далее. Тот опыт модерна, который у нас был в советский период, к сожалению, не был опытом актуального оформления русской идентичности. Советский модерн принципиально не хотел признавать своей этнической основы, хотя, объективно, не мог без нее обойтись, он претендовал быть заменой русской идентичности, а не ее продолжением. Наша «этничность» и наш «модерн» не состыковались в единое целое. В результате, сегодня мы как нация недооформлены. И именно поэтому мы нуждаемся в национализме как целенаправленной деятельности.

Главный вопрос в связи с этим — каково содержание этой деятельности? Как именно происходит мобилизация *этничности* на построение *современности*? И вот здесь нас ждет неприятный факт. Все дело в том, что **эта мобилизация не происходит посредством лозунгов**. Сколько ни повторяй слово «русский», нация от этого не выстроится.

Следует признать относительную правоту некоторых наших оппонентов, которые не принимают национализм потому, что считают его попыткой решить реальные общественно-исторические проблемы посредством магического заклинания, каковым в устах националистов является имя нации. Такой риск для национализма действительно существует. Для того, чтобы избежать его, мы сами должны очень отчетливо

понимать, что национализм — это не выкрик, который мы должны здесь и сейчас донести до масс, и когда они его услышат, случится чудо... Национализм — это планомерная и рассчитанная на длительное время программа. И критерии ее успешности также лежат на достаточно длинных отрезках времени.

Можно выделить две главных стороны этой программы. Первая сторона — это **культурный национализм**. Его задача может быть выражена термином известного критика национализма Эрика Хобсбаума — «**изобретение традиции**». Да, именно «изобретение», поскольку сегодня у нас нет целостной национальной традиции, а есть только обширный исторический материал для ее сборки. Согласитесь, само слово «русский» для уха нашего современника имеет очень бедное смысловое и ассоциативное наполнение. И, как следствие, низкий идентификационный потенциал. Задача культурного национализма — выработка по-настоящему актуального, не архивного «русского стандарта» в самых разных сферах — включая и массовую культуру, и политическую культуру, и историческую мифологию, и сферу повседневности... На этом пути русский национализм должен превратиться в полномасштабную *культурную систему*, привлекательную для активной части общества. Заметим, что эта перспектива, от которой мы пока ужасающе далеки, практически никак не связана с вопросом о политической власти. Культурный национализм может и должен совершать свою работу независимо от степени своей близости к рычагам государства.

Другая сторона той же программы — это **политический национализм**. Его задача вполне очевидна — выражать интересы своего народа приемлемым для него образом и делать их предметом государственной политики. Т.е. исходный тезис русского политического национализма прост: **российское государство должно реализовывать приоритетные интересы русского этноса**. Сегодня такое требование звучит на грани фола, и это признак болезненности нашей политической системы. В принципе, оно должно звучать как совершенно естественное и само собой разумеющееся, а весь разговор должен строиться вокруг того, как именно понимать эти интересы. И вот здесь действительно возможны разные позиции.

Прежде всего, мы сами должны определиться в одном важном вопросе: насколько противоречат русские интересы интересам других народов России? Или, точнее, как они вообще соотносятся с ними? Ответ, что *никак* не соотносятся, поскольку мы не должны думать о других, здесь абсолютно неуместен. Политика — это не в последнюю очередь искусство **заинтересовывать других собственными интересами**. Поэтому

естественная цель русского политического национализма — не допустить антирусской консолидации российских народов и по возможности сделать их своими союзниками.

Национализм как идеология

А как же «борьба с оккупантами»? — спросят меня. Борьбу никто не отменял, но давайте вспомним, как говорили о классовой борьбе Маркс и марксисты. Классовая борьба в их описании — это не открытое подавление одними классами других. Это борьба за то, чтобы отождествить интересы того или иного класса с интересами общества в целом и в качестве «приза» получить инструменты государства. Тот способ, посредством которого происходит это отождествление «частичного» со «всеобщим», называется «**идеология**». Так вот, я полагаю, что русский национализм должен вырасти в полноценную политическую идеологию. Это означает, что, во-первых, мы должны четко осознавать русские интересы и что, во-вторых, мы должны уметь делать их **универсально значимыми**. Для этого есть все основания.

Прежде всего, вполне очевидно, что русские этнические интересы в главном могут быть легко приравнены к государственным, общероссийским и в этом качестве стать непререкаемыми для всех российских народов. Нам не нужна дискриминация других этнических групп, нам нужно такое цивилизационное развитие, в котором мы будем иметь естественные преимущества. Есть народы, которые могут хорошо жить в безгосударственном мире. Например, при криминально-феодалном укладе или при гегемонии транснациональных корпораций. Для русских нормальной «средой обитания» является социально ориентированное индустриальное общество, а главным механизмом адаптации — сильное хорошо вооруженное государство. Иными словами, все то, что можно назвать **национальной модернизацией**, для русских является элементарным биологическим императивом. В этом наше важное отличие от других российских народов, благодаря которому мы способны их интегрировать.

Другое важное отличие — это вовлеченность в мировой контекст, в контекст *большой истории*. Да, мы хорошо знаем, что сегодня для большинства русских повседневная ориентация полностью перекрывает историческую. И это вполне естественно. В ситуации, когда явно нарушены достоинство и базовые права русского большинства в собственном государстве, говорить о судьбах мира преждевременно. Но мы не достигнем малого, если не будем видеть большое. И главное, уже при минимальном налаживании повседневности *история* снова выйдет на первый план. Русские сложились как исторически ориентированный народ, и сегодня мы должны осознать это как свое качественное превосходство. Ну и разумеется, как свою судьбу. Даже если мы откажемся вписывать свои интересы в исторический

контекст (а исторический контекст — это всегда **большое противостояние**), выбор сделают за нас и против нас. Поэтому лучше определиться самостоятельно с тем, в какой именно борьбе мы участвуем.

Я полагаю, что выбирать нам придется из двух базовых сценариев.

Первый называется **«глобальный Север против глобального Юга»**. Этот сюжет вполне понятен и чрезвычайно популярен. Как правило, он связывается с расистской перспективой: противостояние белых народов — творцов цивилизации — ордам цветных варваров. Но, справедливости ради, следует отметить, что с не меньшим успехом он может быть разыгран не от имени «арийцев», а от имени «крестоносцев». Как идея альянса христианского (в некоторых вариантах — иудео-христианского) Севера против исламистского Юга. Этот сценарий представляется менее вероятным лишь по причине очевидного кризиса западного христианства. Но вот русских развести на «христианскую солидарность» могут ничуть не хуже, а точнее, намного лучше и легче, чем на «арийскую».

Я абсолютно убежден, что мы должны бескомпромиссно противостоять этому сценарию во всех его вариантах. Во-первых, потому, что он расшивает Россию насквозь и превращает ее в передовую линию фронта и расходный материал. Во-вторых, потому, что при ближайшем рассмотрении, вызов третьего мира, в том числе исламского, является внутренней проблемой Запада, порождением его колониальной истории и нынешней глобалистской структуры. Тот же глобальный терроризм или глобальная миграция — это внутренние болезни западного миропорядка. Сегодня они затрагивают и нас, но лишь постольку, поскольку мы являемся его частью. Для того, чтобы избавиться от них, нужно всего лишь изжить в себе Запад, а не становиться для него пушечным мясом.

Второй сценарий дает иную картину противостояния, где также есть свои союзники и свои враги. Обозначим его так: **«большие пространства» против глобализации**. Под глобализацией в этом случае следует понимать не объективный процесс развития средств связи, как это часто делают, а определенный социально-исторический проект, предполагающий переход власти с национального уровня на уровень, с одной стороны, *транснациональных*, а с другой, скажем так, *субнациональных* корпораций. Разумеется, слово «корпорация» здесь следует понимать предельно широко. Этот процесс имеет своих субъектов и заинтересованных игроков. Прежде всего — в лице тех элит, которые сознательно и планомерно сбрасывают с корабля истории свои народы как ненужный балласт. Которые уже давно тяготятся национальным государством как системой связывающей их хозяйственной, культурной, политической солидарности. Глобализация и означает демонтаж этой

системы и размывание ее главного детища — так называемого «среднего класса». Однако для выполнения этой работы одного «заговора элит» недостаточно». Для этого требуется еще один «заговор». *Заговор меньшинств*. Не важно, идет ли речь об этнических, религиозных, социальных, сексуальных меньшинствах, главное, чтобы присутствовал сам комплекс «меньшинства»: активное самосознание, противопоставление себя остальному обществу, борьба за особые права, за привилегии и в конечном счете за своего рода гегемонию. Не сложно заметить, что все это работает на тот же самый процесс демонтажа национального среднего класса, т.е. культурного и социального ядра современного общества.

Заговор элит разрушает его «сверху», заговор меньшинств — «снизу».

Современный национализм не может игнорировать эти процессы, ответом на которые он, в конечном счете, является. И русский национализм здесь не исключение. Наша сегодняшняя ситуация, когда наверху — предательство элит, а внизу — агрессия меньшинств, является вполне типовой, даже модельной для современного мира. В этом смысле мы являемся образцовой ареной глобализации. И вопрос состоит в том, как перестать ею быть.

Скажем честно, «победить» глобализацию нельзя. Из нее можно только *выйти*. Причем выйти *очень большими политико-региональными группами*, представляющими собой одновременно хозяйственные, культурные, политические и военные союзы. Не думаю, что стоит называть их «империями», назовем их «большими пространствами». В любом случае, только в их рамках можно защититься от транснационального капитала, следовательно, только в их рамках национализм может достичь того, к чему он стремится: **закрепления элит и обуздания меньшинств**.

Это значит, что построение национальной России возможно только в большом геополитическом объеме. И, как следствие, нам нужны союзники в лице не только коренных российских народов, но и сопредельных национальных государств.

Здесь, наконец, мы возвращаемся к вопросу о соотношении русских интересов с интересами соседей по Северной Евразии. Они объективно *имеют для нас значение*. Больше того, мы можем сделать им уникальное предложение, которого им не сделает никто другой в этом мире. Ни США, ни ЕС, ни Китай, ни исламский халифат. Предложение **неколониального большого пространства**. Пространства развития. Это и есть русский проект для Северной Евразии. Разумеется, он уже не будет альтруистическим — история отучила нас от бессмысленного альтруизма, — но, несомненно, он будет великодушным.